

Научная статья

УДК 316.485.26/323.28/327.3

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-33-45

Феномен терроризма в зарубежных социально-политических теориях

Николай Евгеньевич Лукьянов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

Аннотация

Долгое время исследования терроризма не строились вокруг каких-либо методологических конструкций и были в основном сосредоточены на описании отдельных террористических акций или организаций, а исследование причин перехода к террористической деятельности не получало должного внимания. В настоящее время в зарубежной научной литературе выделяют несколько подходов к изучению причин и динамики терроризма, такие как организационный, инструментальный, коммуникативный и психологический. Наиболее распространенным из них является инструментальный подход, в соответствии с которым терроризм рассматривается как преднамеренное насилие, средство достижения цели. Такой подход получил наибольшее распространение среди исследователей благодаря своей простоте, но информация о динамике, внутренней структуре организации, а также мотивах ее членов при этом практически не использовалась. В рамках инструментального подхода выделено несколько подходов к интерпретации причин терроризма, показан их эвристический потенциал в объяснении динамики деятельности террористических организаций и ограничения объяснительных моделей.

Ключевые слова

терроризм, причины терроризма, инструментальный подход к исследованию терроризма, политическое насилие

Для цитирования

Лукьянов Н. Е. Феномен терроризма в зарубежных социально-политических теориях // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 3. С. 33–45. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-33-45

The phenomenon of terrorism in foreign socio-political theories

Nikolay E. Lukyanov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russia

nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

© Лукьянов Н. Е., 2025

Abstract

For a long time, terrorism studies were not built around any methodological constructs and were mainly based on descriptions of individual terrorist groups or organizations, while the study of the reasons for the transition to terrorist activity did not attract attention. Currently, several approaches to the study of the causes and dynamics of terrorism have been found in Western scientific literature, for example, organizational, instrumental, communicative and psychological. The most common of these is the instrumental approach, according to which terrorism is viewed as deliberate violence, a means to an end. This approach has become most widespread among researchers due to its simplicity, since the intention of the actors was formed from their behavior in accordance with logical rules, and information about the dynamics, internal structure of the organization, as well as the motives of its members is practically not used, which ultimately provides a limited context for the interpretation of factual data. Within the framework of the instrumental approach, several theories are identified to explain the causes of terrorism, their heuristic potential in explaining the dynamics of the activities of terrorist organizations and the limitations in the socio-philosophical foundations of explanatory models are shown.

Key words

terrorism, causes of terrorism, instrumental approach to the study of terrorism, political violence

For citation

Lukyanov N. The phenomenon of terrorism in foreign socio-political theories. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 3, p. 33–45 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-3-33-45

Терроризм как самостоятельный предмет исследования имеет достаточно недолгую историю осмысления в социальной философии. На протяжении всего XX века исследования терроризма оставались на периферии научных изысканий, так как терроризм рассматривался не как самостоятельное явление, а как разновидность тактики во время военных конфликтов. Но в настоящее время, особенно после резонансных событий 11 сентября 2001 года, он стал предметом рассмотрения большинства социальных наук. Рост числа исследований терроризма спровоцировал расширение разнообразия теоретико-методологических подходов к его изучению. Одновременно можно фиксировать появление принципиально разных определений терроризма как социально-философского феномена. Так, терроризм трактуется как асимметричное насилие в работах А. Даунза, Э. Германа и Дж. О'Салливана [Downes, 2008; Herman, O'Sullivan, 1989], как способ коммуникации в работах Б. Хоффмана и Р. Крилинштейна [Hoffman, 2006; Crelinsten, 1987] или как разновидность политических действий у Ч. Тилли [Tilly, 2004]. Неизменной константой определений остается только достижение политической цели с помощью методов устрашения. Для удобства в данной работе под терроризмом будем понимать «нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника» [Изгарская, Лукьянов, 2021, с. 8].

Значительная часть работ, посвященных терроризму, имеет прикладной и узкоспециализированный характер, что позволяет отнести их к политологической или военно-исторической области. Однако рефлексия о теоретических основаниях таких исследований, пусть и эпизодическая, не структурированная и не полная, встречается в литературе, что позволяет говорить о том, что социально-философская работа в этой области осуществляется. Работы, посвященные теоретическому осмыслению терроризма и формированию понятийного аппарата, в настоящее

время представляют лишь малую часть от общей массы. В то же время разработанность и глубина теоретико-методологической базы является необходимым основанием для качественного анализа реальных кейсов. Рефлексия о теории является необходимым шагом в ходе совершенствования теоретических оснований. Именно к такому варианту рефлексии обращается данная статья, фокусируясь на подходах к пониманию причин и динамики терроризма, характерных для зарубежной научной традиции. Целью этой работы является попытка выделить некоторые теории объяснения причин терроризма с позиции инструментального подхода, а также сформулировать их отличительные признаки, что в дальнейшем позволит сгруппировать имеющиеся или возникшие исследования в рамках этих теорий. Такая типологизация позволяет:

1. Проследить историческую динамику исследований терроризма. Можно отметить, как менялось восприятие терроризма в различные исторические периоды в разных странах.
2. Определить преимущества и недостатки некоторых исследований в рамках инструментального подхода, рассматривая их в большей совокупности. Подобное обобщение позволит выделить как положительные моменты, так и возможные аномалии в рамках отдельной теории.

Впервые разделение всех исследований терроризма на несколько подходов (инструментальный, организационный, психологический, экономический и коммуникационный) сделала в 1988 году американский политолог М. Креншоу (см: [Özdamar, 2008, p. 90–91]). Являясь сторонницей организационного подхода, она отмечала, что инструментальный подход к исследованию терроризма является одним из самых распространенных в политической науке. С позиции инструментального подхода терроризм рассматривается как преднамеренное насилие, средство достижения цели. Однако, по ее мнению, инструментальный подход не учитывает среду, в которой возникают террористические организации, делая акцент исключительно на воле самих террористов, что в принципе предусматривает только одну стратегию борьбы с ними – уничтожение. Поэтому она считала более перспективным другой подход – организационный, объясняющий причины терроризма, исходя из внутренней динамики террористических организаций в рамках их борьбы за выживание [Crenshaw, 1981, p. 379–399].

Позиция автора относительно перспективности организационного подхода в исследовании терроризма совпадает с позицией М. Креншоу. К его явным преимуществам можно отнести изучение причин возникновения и динамики терроризма на нескольких взаимосвязанных уровнях (супермакро-, макро-, мезо-, микро-), что делает возможным изучить связи более высокого порядка, недоступные с позиции инструментального подхода. Также организационный подход позволяет рассмотреть внутренние процессы, происходящие в организации, и соотнести их с влиянием внешней среды. Террористические организации в таком случае рассматриваются как более сложное явление, на которое влияют как условия внешней среды, так и внутренние процессы, происходящие в организации. При своих достоинствах организационный подход не лишен определенных недостатков, например терроризм рассматривается преимущественно как явление антисистемной направленности, а влияние внешней среды на возникновение

и динамику террористических организаций на более высоких уровнях (макро- и супермакро-) в настоящее время не получило должного освещения. Однако указанные недостатки не отменяют более проработанные положения организационного подхода и не противоречат им, а их доработка возможна в дальнейших исследованиях.

Автор не претендует на первенство в рассматриваемом вопросе. Первую попытку проанализировать исследования причин терроризма в рамках инструментального подхода предпринял в 2018 году американский исследователь Д. Гудвин. В своей работе «The Causes of Terrorism» он сформулировал свою теорию причинности терроризма и критически рассмотрел некоторые близкие к ней исследования¹. Однако при этом он не ставил целью сформировать какую-либо типологию, и охват исследований носил ограниченный характер.

Тот факт, что хронологически инструментальный подход возник раньше остальных, и на его основе начинали работать первые исследователи терроризма, привел к тому, что большинство авторов изучали терроризм с этих позиций. В итоге возникло несколько отличающихся точек зрения, объясняющих причины перехода к террористической деятельности. На основе анализа зарубежной литературы можно выделить ряд теорий, объясняющих причины терроризма, которые можно обозначить как: *теория отчаяния* А. Даунса, *теория ответного насилия* Э. Германа и Дж. О'Салливана, *теория радикализации*, сторонниками которой являлись М. Сагеман, Р. Спаай, К. Макколи и Т. Бьёрго, *теория терроризма как политической стратегии* Ч. Тилли, *теория не прямой войны* Д. Гудвина и *коммуникационная теория* Б. Хоффмана и Р. Крилинштейна.

Теория отчаяния рассматривает терроризм как последнее средство в борьбе с более сильным противником. Основная идея, по мнению А. Даунса, заключается в том, что «мятежники, не имея возможности использовать легальные методы борьбы и уступая в военном потенциале, для ведения партизанской или иной вооруженной деятельности, терпя неудачи, прибегают к терроризму» [Downes, 2008, p. 125]. А. Даунс назвал это явление «гражданской виктимизацией». В таком случае терроризм, по его мнению, является последним средством, так как риски от использования подобной тактики могут быть довольно высокими. Переход к террористической деятельности в некоторых случаях может нанести больший вред репутации группировки, чем достигнутый успех². Преимуществом перехода к террористической деятельности для таких групп можно назвать небольшие финансовые затраты и низкие требования к мобилизации людских ресурсов. Однако наличие у группировок достаточных сил не исключает использование ими террористических методов. Например, «ИГИЛ»³ могли вести полноценные боевые действия против вооруженных сил Сирии и Ирака, но при этом продолжали

¹ См.: [Goodwin, 2018]. Более подробно теория Д. Гудвина будет рассмотрена ниже.

² Удар по репутации можно наблюдать на примерах Палестины после событий Мюнхенской олимпиады 1972 г., итальянских «Красных бригад» после похищения и убийства Альдо Моро в 1978 г. и чеченских сепаратистов после терактов в Буденновске и в Кизляре в 1995 и 1996 годах соответственно. После этих акций группировки-исполнители стали именоваться террористами, а уровень симпатий у сочувствующих групп к ним существенно снизился.

³ Признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № АКПИ14-1424С.

применять террористические методы. «Тигры освобождения Тамил-Илама» после победы над конкурирующими группировками так же продолжили применять тактику террора (см.: [Goodwin, 2018, p. 257]). В свою очередь, некоторые группировки, такие как радикальное крыло Африканского национального конгресса «Копье нации» в 1961 году или американская леворадикальная группировка «Черные пантеры» в 1977 году, даже после фактического разгрома и ареста своих лидеров не перешли к террористическим действиям.

Вторую теорию, объясняющую причины перехода к террористической деятельности в рамках инструментального подхода, можно назвать *теорией ответного насилия*. Сторонники этой теории понимают терроризм как ответные меры более слабых оппозиционных сил на агрессию со стороны более сильных правящих сил. По мнению Э. Германа и Д. О'Салливана, «единичный терроризм диссидентских групп провоцируется массовым терроризмом крупных государств, в первую очередь США» [Herman, O'Sullivan, 1989, p. 64]. Термины «единичный» и «массовый» должны, по мнению авторов, показать, что государственный терроризм гораздо более смертоносен и опасен. Неизбирательное насилие со стороны государства в некоторых случаях может подтолкнуть к развитию повстанческих движений, что подтверждается деятельностью таких организаций как «Народная воля» в России или «Фронт национального освобождения моро» на Филиппинах. Эти движения действительно возникли в ответ на репрессии со стороны государства. Под эту теорию можно подвести деятельность любой леворадикальной или сепаратистской организации, которая, представляя интересы ущемляемой (по мнению ее участников) группы граждан, переходит к тактике террора. Д. Гудвин отмечает, что в таком случае организация должна противостоять вооруженным или полицейским силам государства, а не совершать атаки против мирных жителей [Goodwin, 2018, p. 257]. Другими словами, в ответ на государственный террор мятежники с большей вероятностью будут использовать диверсии или партизанские действия против военных или полицейских объектов, чем тактику террора в отношении мирных жителей. Однако деятельность многих террористических группировок не объясняется *теорией ответного насилия*. Так, упоминаемые выше радикальное крыло Африканского национального конгресса «Копье нации» в 1961 году или американская леворадикальная группировка «Черные пантеры» в 1977, не перешли к террористической деятельности в ответ на давление со стороны государства. В свою очередь, леворадикальные группировки в Европе (немецкая «РАФ» и итальянские «Красные бригады») перешли к террору, не подвергаясь на тот момент преследованию, а сепаратистские группировки «ИРА» в Ирландии и «ЭТА» в Испании неоднократно первыми нарушали объявленные перемирия.

В основе *теории радикализации* лежит тезис о том, что «не все радикалы являются террористами, но все террористы являются радикалами». Эта теория предполагает, что терроризм прежде всего – это своего рода идеологическое движение, как, например, социализм или консерватизм, которое ищет новообращенных сторонников. Идея состоит в том, что террористы стремятся радикализировать людей или вербовать людей, которые уже радикализированы. В случае же

если удастся «дерадикализировать» членов организации, то ее участники не будут заниматься терроризмом [Goodwin, 2018, p. 261–262].

М. Сагеман, сторонник этой теории, считал, что радикализация лежит в основе формирования террористических групп, так как большинство лиц вовлекается в террористическую деятельность через личные связи [Sageman, 2008, p. 84–112]. Р. Спаай также относил к причинам перехода к террористической деятельности личные мотивы. Он разделял радикализацию одиночек и радикализацию в рамках террористических групп, в первом случае фактором выступает социальная изоляция, а во втором – принадлежность к группе [Spaaij, 2012, p. 45–46]. К. Макколи, являясь сторонником этой же теории, рассматривал радикализацию как естественный процесс ужесточения убеждений и взглядов, который в некоторых случаях приводит к насилию. Он выделял три уровня радикализации – индивидуальную, групповую и массовую, каждый из которых имеет свои особенности и динамику. Можно отметить, что достоинством теории радикализации является учет личных мотивов участников террористических групп, а также рассмотрение терроризма одиночек [McCauley, Moskalenko, 2011, p. 134–139].

Д. Гудвин считает, что сторонники данной теории неправильно трактуют понятие «радикализация», что вносит сумятицу в дальнейшее определение террористов как радикалов. По его мнению, основная проблема заключается в использовании насилия как обязательного атрибута любой радикальной группы [Goodwin, 2018, p. 262]. Например, тактика террора применялась группами и государствами с очень широким спектром идеологий, не все из которых были радикальными. Т. Бьёрго, норвежский исследователь, рассматривая терроризм в рамках теории радикализации, не считал радикализацию прямой причиной перехода к террору. Согласно Т. Бьёрго, основной причиной терроризма является разочарование вследствие невозможности достичь ожидаемого, что в итоге и приводит к радикализации. Т. Бьёрго отмечает, что, так как участники террористических организаций происходят из разных социальных слоев, то они подвергаются разным процессам радикализации. В дальнейшем их цели и приоритеты могут меняться, и лица, пришедшие к терроризму по одним причинам, например в силу бедственного экономического положения, могут продолжать заниматься террором, но по другим причинам, например с целью повышения своего статуса [Bjørge, 2011, p. 277]. Тезис о том, что «не все радикалы террористы, но все террористы радикалы», Т. Бьёрго также отвергает, утверждая, что довольно часто люди присоединяются к экстремистской группе «не потому, что они придерживаются экстремистских мировоззрений, а принимают экстремистские мировоззрения, потому что они стали участниками экстремистской группы совсем по другим причинам». В дальнейших своих работах Т. Бьёрго будет развивать свою теорию, но уже в рамках организационного подхода, для которого характерно не только изучение причин терроризма, но и процесса и условий его развития, а также учет мотивации членов террористических групп.

Ч. Тилли является еще одним представителем инструментального подхода. Он подвергает сомнению существование отдельного класса действующих лиц (террористов), которые специализируются на единой форме политических действий (терроре). Ч. Тилли рассматривает терроризм как разновидность полити-

ки, что позволяет определить концептуальный каркас его разработок как *теорию терроризма как политической стратегии*. По его мнению, такая политика обладает некоторыми особенностями.

1. Выходит за границы обычной политической борьбы и представляет собой асимметричное развертывание угроз и насилия против врагов.

2. Такой деятельностью могут заниматься самые разные участники, чаще всего чередуя политический терроризм с другими политическими стратегиями или с политическим бездействием.

3. В рамках такой политики могут формироваться специальные группы, специализирующиеся на терроре, но они будут нестабильными и эфемерными.

4. К такой деятельности могут привлекаться наемные специалисты по принуждению – армия, полиция, ополченцы, военизированные формирования и т.п.

5. В случае перехода в оппозицию существующему правительству деятельность такой группы будет схожа с работой государственной системы.

6. Террор является побочным продуктом борьбы, в которой участники одновременно или последовательно участвуют в других, более рутинных «формах выдвижения политических претензий». Терроризм как политическая стратегия может быть представлен:

- периодическими действиями членов групп, вовлеченных в более масштабную политическую борьбу;

- одним из сегментов в образе действий «организованных специалистов по принуждению», в том числе нанятых государством;

- (террористической) деятельностью отдельных преданных своему делу групп и сетей активистов. Этот тип, по мнению Ч. Тилли, составляет очень небольшую долю террора [Tilly, 2004, p. 5].

Ч. Тилли считает, что в определении терроризма мотивы и намерения террористов не стоит рассматривать, так как их истинная суть редко становятся доступна. По его мнению, под терроризмом следует понимать «асимметричное применение угроз и насилия против врагов с использованием средств, которые выходят за рамки форм политической борьбы, обычно действующих в рамках какого-либо режима» [Ibid., p. 5]. Он также отмечал, что терроризм, кроме нанесения прямого вреда, посылает сигналы о том, что цель уязвима, и существуют преступники, готовые продолжать атаки. Такие сигналы направлены на три разные аудитории: саму цель, потенциальных союзников цели и третью сторону, которая может с ними сотрудничать. Таким образом, террор как политическая стратегия, в отличие от партизанских или боевых действий, по мнению Ч. Тилли, стремится к символическому политическому эффекту, а не к ослаблению и нанесению имущественного вреда. Также стоит отметить, что Ч. Тилли не разделяет деятельность террористических организаций, а также террор армейских, полицейских и партизанских формирований.

Понимание терроризма как способа коммуникации нашло отражение в *коммуникационной теории*. Согласно этой теории, терроризм как способ коммуникации имеет цель донести некоторое послание через насилие и создание атмосферы страха, что будет способствовать выполнению требований террористов и распространению их идей. Объект террора в таком случае не всегда является

реальной целью, требования или сообщения могут быть направлены другой группой. Б. Хоффман и Р. Крилинштейн в своих работах развивали идею о терроризме как деятельности, имеющей большой моральный или символический эффект. По мнению Б. Хоффмана, «терроризм – это преднамеренное создание и эксплуатация страха посредством насилия или угрозы насилия в стремлении к политическим переменам» [Hoffman, 2006, p. 43]. Р. Крилинштейн считает, что «терроризм – это преднамеренное использование насилия и угрозы насилия для того, чтобы вызвать состояние страха у конкретной жертвы или аудитории. Кроме того, вызываемый ужас является средством поддержания или ослабления лояльности, или подчинения» [Crelinsten, 1987, p. 16]. К достоинствам коммуникационной теории можно отнести учет воздействия террористической акции на предполагаемую или непреднамеренную аудиторию, в том числе союзников. Теория также позволяет объяснить причину атак некоторых символических объектов. *Коммуникационная теория* большое внимание уделяет взаимодействию террористических организаций и СМИ, а также вопросу влияния политического режима на увеличение и уменьшение интенсивности терроризма. Однако при этом она имеет нечеткие исследовательские границы, к терроризму могут относиться как действия одиночек-психопатов, так и деятельность организаций, не переходящих непосредственно к насилию, а использующих другие средства запугивания с целью трансляции своих идей в общество. Например, белорусская организация «Отряды гражданской самообороны Беларуси» признана в Беларуси террористической, хотя ее деятельность заключается в небольших диверсиях против объектов энергетики и связи и в транслировании своих идей в социальных сетях, в том числе с призывами к совершению акций протеста и свержению власти. Прямое насилие группировка не использует. В этом случае можно говорить, что любое исследование терроризма опирается на *коммуникационную теорию*, так как терроризм как способ достижения политической цели подразумевает создание атмосферы страха с целью воздействия на определенную аудиторию.

Теория непрямой войны в качестве причины перехода к терроризму называет атаку государством или негосударственными силами гражданских лиц, которые оказывают поддержку вооруженным формированиям противника, при условии, что эти лица не рассматриваются как собственные потенциальные сторонники. Иначе говоря, «убийство и террор гражданских лиц является косвенным средством подрыва позиций вооруженных врагов вместо или в дополнение к прямому нападению на этих врагов» [Goodwin, 2018, p. 265–266]. В свою очередь, по мнению Д. Гудвина, у террористов нет причин нападать на мирных жителей, которые не поддерживают вооруженных врагов. Поддержка гражданским населением боевых групп может быть представлена двумя способами – политическим и экономическим. В поддержку своей теории Д. Гудвин приводит примеры деятельности «Аль-Каиды»⁴, атаки которой в первую очередь были направлены против мирного населения, а не против военных объектов. Д. Гудвин утверждает, что «Аль-Каида» придерживается мнения, что «псевдоисламские» режимы таких государств, как Марокко или Филиппины, а также правительство Израиля, поддерживаются

⁴ Признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03 116.

США и их союзниками – «дальними врагами». «Аль-Каида» считает, что до тех пор пока США и их союзники – «дальний враг» – не будут вынуждены прекратить поддержку этих режимов – «ближнего врага» – и вывести свои войска и других агентов из мусульманских стран, борьба против этих режимов будет безуспешной. Соответственно, так как граждане США платят налоги и поддерживают свое правительство, то они являются соучастниками войны. Бен Ладен, планируя теракты 11 сентября, надеялся повернуть мнение населения против правительства, как это было во время войны во Вьетнаме, и тем самым подорвать политическую и экономическую поддержку США (см.: [Goodwin, 2018, p. 19]). Хотя Д. Гудвин видит в этом примере иллюстрацию *теории непрямой войны*, действия террористов так же могут объясняться *теорией отчаяния* и *теорией ответного насилия*. Р. Пейп (R. Pare) уточняет, что терроризм со стороны государства, в отношении мятежников или иных государств, может породить ответный терроризм при полной поддержке населения (см.: [Pare, 2006, p. 74–85]). В таком случае, повстанцы, борющиеся с автократическими или авторитарными режимами, скорее будут склонны избегать тактики террора. Однако после терактов 11 сентября 2001 г. в США и 2004 г. в Беслане можно увидеть, что правительства все же получили дозу негатива, выраженной как в критике бездействия, так и в прямых обвинениях в соучастии в террористических атаках.

Теория непрямой войны Д. Гудвина не отделяет терроризм от боевых действий и не может объяснить нерациональность некоторых атак. Его утверждение, что вооруженные группы, скорее всего, будут нападать на гражданских лиц, которые поддерживают вооруженных врагов этих групп, довольно абстрактно и часто используется как оправдание террористами своих действий. Предположение, что вооруженные группы не будут прибегать к тактике террора против гражданского населения, если такие группы сами поддерживаются некоторой значительной частью этого населения, опровергается историческими примерами. В терактах, совершенных группировкой «ИРА» в Ирландии, ваххабитами в Чечне, исламистами в Афганистане или народовольцами во время политического террора, жертвами атак нередко становились как раз группы, интересы которых представляли террористы. В таком случае вина за жертвы перекладывалась на противника, либо их смерть признавалась необходимой для достижения победы. Удар по мирным жителям, согласно теории Д. Гудвина, должен уменьшить уровень поддержки, но часто такие атаки вызывают лишь обратную реакцию. Можно частично согласиться с утверждением Д. Гудвина в том, что в условиях боевых действий тактика террора может привести к определенным тактическим успехам, когда он приводит в качестве примера бомбардировки городов во Второй мировой войне (Ковентри, Ливерпуль, Дрезден, Токио), или случаи использования новых видов вооружения (газы, ракеты, ядерное оружие). Однако в случае бомбардировок городов основной целью выступали объекты инфраструктуры, а регулярное применение новых видов вооружения со временем уменьшает эффект страха. Причины отказа от перехода к терроризму некоторых радикальных группировок теория непрямой войны не объясняет.

Подводя итог, можно отметить, что исследования терроризма с позиции инструментального подхода не всегда были представлены работами одиночек,

не имеющих какой-либо общей методологии, кроме восприятия терроризма как инструмента достижения политической цели. Однако даже исследователи, придерживающиеся какой-либо единой точки зрения, практически не работали с трудами друг друга, не дополняли и не верифицировали данные. Такие работы редко имели общий понятийный аппарат и широкий охват случаев терроризма. Большинство авторов, работающих в своей области, опирались на отдельные работы исключительно в рамках своей исследовательской парадигмы. У исследователей, работающих в рамках инструментального подхода, нет единой точки зрения по поводу того, какую именно деятельность следует определять как террористическую. Так, рассмотренные теории не отождествляют прямо терроризм с войной, выделяя его в отдельную деятельность, цели и формы которой отличаются от военных действий. Однако *теория отчаяния*, *теория непрямой войны* и *теория ответного насилия* все же допускают применение террористических методов правительственными или государственными оппозиционными силами, а значит, теоретически допускают использование террористических методов во время боевых действий или иных форм конфликта. Но даже в этом случае терроризм оценивается как деятельность, выходящая за пределы установленных правил ведения войны, и его применение даже государственными акторами, хоть и содержит некоторое оправдание с позиции применяющих, но получает аморальную оценку с противоположной стороны.

Все рассмотренные теории имеют ограниченный потенциал в объяснении реальных кейсов террористической деятельности разных организаций, а значит, будут иметь узкое практическое применение. Так, теории *отчаяния* и *ответного насилия* не объясняют переход к террористической деятельности некоторых группировок или, наоборот, бездействие других террористических организаций в случаях, когда, казалось бы, внешние факторы вынуждают их начать эту деятельность. *Теория радикализации*, по сути, не рассматривает иные причины перехода к терроризму, кроме наличия радикальных идей у членов террористических групп. Более того, не все радикалы прибегают к терроризму или какой-либо другой насильственной тактике. Интерес представляет развитие этой теории в трудах Т. Бьёрго, который главной причиной перехода к терроризму считает именно отсутствие возможности у потенциальных террористов достичь целей иным путем. В его выводах отмечается влияние внешней среды на переход к террористической деятельности, что служит основой его дальнейшей работы, но уже в рамках организационного подхода.

Сложность в изучении терроризма представляет его стигматизация как чего-то страшного и аморального. Если использование террора негосударственными силами позволяет отделить их от партизан или «борцов за свободу», то использование террора правительственными силами вызывает у исследователей проблемы, так как использование террора как способа войны со стороны государства автоматически легитимизирует его и для других групп (например, сил повстанцев) в качестве ответной меры. *Теория непрямой войны* Д. Гудвина и *теория терроризма как политической стратегии* Ч. Тилли как раз допускают применение терроризма правительственными силами. Теория Ч. Тилли, при наличии определенных достоинств (например, рациональность применения террора, когда ве-

роятность успеха от применения такой тактики превышает издержки) отрицает существование террористических групп как отдельных акторов конфликтного процесса. Исследование терроризма как самостоятельного явления, не являющегося разновидностью боевых действий, в настоящее время является наиболее распространенным. Выявленные и рассмотренные теории не охватывают все случаи терроризма и опровергаются эмпирическими данными, однако некоторые положения этих исследований дают необходимые теоретические разработки, которые могут быть использованы в более комплексных исследованиях. Теории *отчаяния, ответного насилия, непрямой войны и терроризма как политической стратегии* могут дополнить организационный подход объяснительными концепциями на макро-, а разработки сторонников *теории радикализации* – на микроуровне.

Полученные результаты имеют гипотетический характер и нуждаются в дополнительной верификации. В ходе исследования феномена терроризма следует учитывать такие факторы, как динамика развития самих террористических организаций, использование ими новых тактических схем, а также все большее разнообразие идеологических оснований терроризма, что требует переоценки существующих теорий.

Список литературы

- Изгарская А.А., Лукьянов Н.Е.** Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования // Дискурс. 2021. Т. 7. № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16
- Björge T.** Dreams and disillusionment: engagement in and disengagement from militant extremist groups // Crime Law and Social Change. 2011. Vol. 55. No. 4. P. 277–285. DOI: 10.1007/s10611-011-9282-9
- Crenshaw M.** The Causes of Terrorism // Comparative Politics. 1981. Vol. 13. No. 4. P. 379–399.
- Crelinsten R.** Terrorism as Political Communication: the Relationship between the Controller and the Controlled // Eds. P. Wilkinson, A. Stewart. Contemporary Research on Terrorism. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. P. 3–23.
- Downes A.** Targeting Civilians in War. L.: Cornell University Press, 2008.
- Goodwin J.** The Causes of Terrorism // The Oxford Handbook of Terrorism / Ed. by A. Silke. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 251–266.
- Herman E., O'Sullivan G.** The «Terrorism» Industry: The Experts and Institutions that Shape our View of Terror. N. Y.: Pantheon, 1989.
- Hoffman B.** Inside terrorism. N. Y.: Columbia University Press, 2006.
- McCauley C., Moskalenko S.** Friction: How Radicalization Happens to Them and Us. Oxford University Press, 2011.
- Özdamar O.** Theorizing Terrorist Behavior: Major Approaches and Their Characteristics // Defence Against Terrorism Review. 2008. Vol. 1, No. 2. P. 89–101.
- Pape R.** Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. N. Y.: Random House, 2006.
- Sageman M.** Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. DOI: doi.org/10.2307/j.ctt3fhhbt.

- Spaaij R.** Understanding Lone Wolf Terrorism: Global Patterns, Motivations and Prevention. Springer, 2012.
- Tilly C.** Terror, Terrorism, Terrorists // Sociological Theory. 2004. Vol. 22. No. 22. P. 5–13. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2004.00200.x.

References

- Bjørge T.** Dreams and disillusionment: engagement in and disengagement from militant extremist groups // Crime Law and Social Change. 2011. Vol. 55. No. 4. P. 277–285. DOI: 10.1007/s10611-011-9282-9
- Crenshaw M.** The Causes of Terrorism // Comparative Politics. 1981. Vol. 13. No. 4. P. 379–399.
- Crelinsten R.** Terrorism as Political Communication: the Relationship between the Controller and the Controlled // Eds. P. Wilkinson, A. Stewart. Contemporary Research on Terrorism. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. P. 3–23.
- Downes A.** Targeting Civilians in War. London: Cornell University Press, 2008.
- Goodwin J.** The Causes of Terrorism // The Oxford Handbook of Terrorism / Ed. by A. Silke. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 251–266.
- Herman E., O'Sullivan G.** The «Terrorism» Industry: The Experts and Institutions that Shape our View of Terror. New York: Pantheon, 1989.
- Hoffman B.** Inside terrorism. New York: Columbia University Press, 2006.
- Izgarskaya A.A., Lukyanov N. E.** Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research // Discourse. 2021. Vol. 7. No. 6. P. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16 (in Russian)
- McCauley C., Moskalenko S.** Friction: How Radicalization Happens to Them and Us. Oxford University Press, 2011.
- Özdamar O.** Theorizing Terrorist Behavior: Major Approaches and Their Characteristics // Defence Against Terrorism Review. 2008. Vol. 1. No. 2. P. 89–101.
- Pape R.** Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. New York: Random House, 2006.
- Sageman M.** Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. DOI: doi.org/10.2307/j.ctt3fhhbt.
- Spaaij R.** Understanding Lone Wolf Terrorism: Global Patterns, Motivations and Prevention. Springer, 2012.
- Tilly C.** Terror, Terrorism, Terrorists // Sociological Theory. 2004. Vol. 22. No. 22. P. 5–13. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2004.00200.x.

Информация об авторе

Николай Евгеньевич Лукьянов

младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikolay E. Lukyanov

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 20.09.2025
The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 29.09.2025*